

Людмила Сауленко

«Около моря, где я родилась...»

Штрихи к теме «Одесская строка биографии Анны Ахматовой»

«Я – одесситка». Так с полным правом можно было бы назвать эту статью, потому что это слова, сказанные самой Ахматовой. Услышала их я в 1971 году на Приморском бульваре. Почтенный человек благородной внешности, неизменно сохранявший аристократические манеры и обворожительную светскость, уважаемый профессор, член правления Общества библиофилов при Доме ученых (оно даже на моей памяти несколько раз меняло название, но мне почему-то более всего звучит именно *общество* и именно *библиофилов*) – Борис Александрович Сосюра, сидя рядом со мной на лавочке, рассказывал вчерашней студентке о своей встрече с Анной Ахматовой в начале шестидесятых годов. Сосюра – двоюродный брат известного украинского поэта Володымыра Сосюры, стихи которого неистребимо засели в моей школьной памяти, и родной брат популярнейшей в свое время журналистки Татьяны Тэсс (кто не знает, это аббревиатура «Татьяна Сосюра»). Через сестру и состоялось их знакомство: за праздничным столом в доме сестры профессор оказался рядом с Ахматовой. Он запомнил величественный облик, длинную шею, низкий голос. Узнав, откуда приехал ее сосед по столу, Ахматова сказала: «А ведь я – одесситка».

Предыстория разговора вчерашней студентки-филолога с профессором-медиком уходила в мои тогда недавние студенческие годы. Училась я на филологическом факультете ОГУ, факультете потенциальных невест и будущих учительниц. Училась старательно и, главное, с удовольствием. Ведь еще были живы и вполне при памяти знаменитые педагоги Новороссийского университета: Назарий Иванович Букатевич (только что вышла его монография

«Сравнительная грамматика славянских языков», буквально потрясшая Международный съезд славистов). Через много лет узнала я, что Букатеви́ч, которого боялись как огня, ибо преподавал он «филологический сопромат» – старославянский язык и историческую грамматику, говорил с отчетливым старорусским (как нам казалось) акцентом и казался таким древнерусским, что Назарий Иванович великолепно владеет украинским языком. Прошли годы, и довелось узнать, что заведующий кафедрой русского языка Одесского государственного университета профессор Букатеви́ч – бывший сотрудник музея «Степова Україна», что именно он чуть ли не первым начал в двадцатые годы собирать у нас на Юге чумацкий фольклор (а ведь тогда еще были живы последние чумаки в украинских селах Новороссии!). Букатеви́ч же впервые издал два сборника «Чумацькі пісні». Позже, работая в Музее западного и восточного искусства, я обнаружила в библиотеке эти чудом уцелевшие книги. Уцелевшие чудом, потому что и музей, и книги были уничтожены «за национализм» в годы, когда «каленным железом выжигалась контра» – уничтожались музеи и музейные работники. Среди них оказались и одесские: Музей еврейской культуры и музей «Степова Україна». Молодой талантливый ученый Назарий Букатеви́ч получил тогда десять лет ссылки в Северный Казахстан. После реабилитации Букатеви́ч вернулся к филологии, но занимался только старославянским языком и исторической грамматикой. Мне кажется, Украина осталась для него трагической темой судьбы. В Казахстане умер его единственный сын, двенадцатилетний мальчик. Мне об этом несколько лет тому назад рассказал профессор Марк Соколянский, студент Букатеви́ча, которого тот особенно отличал.

Студенты всегда считали Назария Ивановича бездетным, окруженным громогласной заботой супруги и чуть ли не бессмертным: на девятом десятке он продолжал мучить трепетных филологинь юсами большими и малыми, а если на улице кто-то с ним здоровался, строго спрашивал: «Что у вас было по старославянскому языку?».

...Почему в статье об Анне Ахматовой я пишу о старом профессоре, насколько мне известно, прямого отношения к ней не имевшем?

У меня есть однозначный ответ: он – из того поколения, о котором написала Ахматова:

De profundis... Мое поколение
Мало меду вкусило, и вот
Только ветер гудит в отдалении,
Только память о мертвых поет...

Когда я разыскивала на Фонтане дачу Саракини, эти стихи были впервые опубликованы в альманахе «День поэзии». А в Казахстане был в ссылке и Лев Гумилев, сын Ахматовой...

Под статью Букатевичу была и доцент Зоя Антоновна Бориневич-Бабайцева. Мне довелось видеть ее дореволюционное фото: классная дама в знаменитой одесской гимназии Масловой и Градской. Зоя Антоновна и внешне, по облику и стилю, была «женщина с раньшего времени». На первом курсе на экзамене по ее предмету, введению в литературоведение, я в качестве иллюстрации удачно, как мне казалось, процитировала Ахматову: «Ты стихи мои требуешь прямо...». В школе Ахматову тогда не учили, но любимый журнал «Юность» в 1965 после вручения в Италии премии «Этна-Таормина» напечатал несколько новых стихов. Меня они пронзили навсегда. «Чьи стихи?» – строго спросила Зоя Антоновна, а я почему-то шепотом ответила: «Ахматовой». Последовал утвердительный полувопрос: «Вы пишете стихи». – «Нет». – «Вот как? Я редко ошибаюсь. Ваш матрикул». То поколение не говорило «зачетка» (это ведь созвучно «трещотка», «чесотка») – они говорили «матрикул». То была лексика поколения Ахматовой.

Зоя Антоновна не ошиблась. Все курсовые работы я потом писала только об Ахматовой, диплом выбрала тоже. Не так-то это было легко: в программе Ахматова фактически отсутствовала, тему не утверждали. Только благодаря доценту Дине Семеновне Чернявской, человеку тонкому и отзывчивому, согласившейся быть моим руководителем, тему утвердили, и я ринулась в научную библиотеку университета к Виктору Семеновичу Фельдману, главному библиографу, человеку замечательному. Виктор же Семенович состоял членом правления Общества библиофилов

при Доме ученых. Когда правление обсуждало тематику ближайших заседаний и искало тему, на которую пришла бы публика (почему-то мне запомнилось такое выражение), все сошлись на предположении, что публика придет «на Ахматову». Где взять докладчика? Обычно члены общества как владельцы серьезных библиотек делали выставки книг на тему и рассказывали о книгах. Фельдман предложил: «У нас одна девочка пишет диплом об Ахматовой. Она даже съездила в Ленинград, привезла материалы. Давайте пригласим ее с докладом». На том и порешили с условием, что предварительно проверят, умею ли я говорить и не растеряюсь ли на публике. Вечер состоялся, сохранился даже пригласительный билет.

В Обществе библиофилов был еще один человек, знавший о моих ахматовских поисках, – Евгений Михайлович Голубовский. К нему в легендарную «Комсомольську іскру» я пришла с вопросом: «Знаете ли вы, где родилась Ахматова?». Надо бы спросить: «Где крестили Ахматову?» – потому что к этому моменту уже удалось невероятное: в Одесском областном архиве я нашла в метрической книге Преображенского собора запись о крещении протоиреем Евлампием Арнольдовым дочери Андрея Антоновича Горенко и жены его Инны Эразмовны. Ребенка назвали Анной. Крестными родителями значились кандидат естественных наук Степан Григорьевич Романенко и дочь дворянина Мария Федоровна Вальцер. Это оказалась ниточка из целого клубка связей: знакомств, соседств, дружб, политических пристрастий. Ведь в неопубликованных заметках Ахматовой есть упоминание о Романенко и Вальцер. Они по сей день хранятся в Рукописном отделе ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, сейчас опубликованы и откомментированы, тогда были практически недоступны. Но так уж сложилось, что побывать там я, еще студентка, смогла, встретила доброжелательный прием и чудом попала на доклад главного библиотекаря Л. Мандрыкиной. Она же именно в тот раз рассказывала об ахматовском рукописном фонде, только-только поступившем в отдел. Члена «Народной воли» Романенко Ахматова называла убийцей генерала Стрельникова; о своей крестной записала: «Мария Федоровна Вальцер,

ее рассказ о посещении Достоевского». Теперь я знаю, что конкретно скрывается за ахматовскими записями. Знаю не благодаря своему только труду и везению, а благодаря неустанным поискам появлявшегося и множившегося на глазах племени ахматоведов. Да и само понятие «ахматоведение» как раздел литературоведения появилось на наших глазах: когда я в 1990 году защищала диссертацию, оппоненты отзывались о моем труде как о «вкладе в формирующееся ахматоведение – новое направление гуманитарного знания». Но это будет потом. А пока в «Комсомольській іскрі» – как не вспомнить добрым словом газету и Евгения Михайловича! – появилась публикация «Неповторність прекрасних слів» (газета «Комсомольська іскра», 1971, 23.09). Это, конечно, цитата из Ахматовой: «О, есть неповторимые слова, / Кто их сказал, истратил слишком много. / Неистоцима только синева / небесная. И милосердье Бога».

Та скромная публикация есть в научных библиотеках, все легко проверить. Но через 7 лет в новой тогда газете «Вечерняя Одесса», 1978 г., от 8.7, появилась статья известного краеведа Григория Зленко «Где родилась Анна Ахматова?». Позже, встретив меня на улице, Григорий извинился, но опровержения не опубликовал, а в 1980 году его статья была перепечатана в республиканской газете «Друг читача» 2.10.1980, оттуда попала в Украинскую Советскую Энциклопедию, где сведения и пребывают как авторитетный источник. Мне неловко об этом писать, но, думаю, истина важнее вежливости.

...«Родилась я на даче Саракини (11-я станция паровичка) около Одессы. Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли – рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю.

Когда мне было 15 лет, и мы жили на даче в Лустдорфе, проезжая как-то мимо этого места, мама предложила мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, которую я прежде не видела. У входа в избушку я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска. Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», – сказала она.

Мемориальная доска появилась в 1989 году, к 100-летию со дня рождения. По решению ЮНЕСКО он был объявлен Годом Анны Ахматовой, советское руководство не возражало, было принято решение о юбилейных торжествах по стране, готовились мероприятия. Думаю, это слово совершенно не подходит для атмосферы подготовки ахматовских торжеств в Одессе. Помню, как заместитель председателя одесского горсовета Галина Андреевна Изувита вела заседание, на котором обсуждалась организация установки на Большом Фонтане памятного знака. Уточнив, за какой структурой закрепляется какой участок работы, Галина Андреевна в завершение сказала, что так мы воздадим должное Анне Ахматовой, которую так любим. Это помню дословно: «Которую мы так любим...». Когда еще в вопросе установления памятника использовался такой неотразимо человечный аргумент?..

К тому времени вопрос, где ставить памятник Ахматовой, уже был решен. Решен усилиями одного человека, о котором нельзя не вспомнить, – Романа Алексеевича Шувалова. В моей жизни этот человек появился неожиданно и решительно. Я уже работала в Музее западного и восточного искусства, от ахматовских изысканий отошла. Правда, поиски дачи Саракини еще некоторое время продолжала. В результате на старом плане дач на Большом Фонтане в районе, называвшемся тогда Новая Швейцария, нашла среди других названий «небольших, но живописных дач» дачу Саракини. Она явно была небольшой, ибо на плане участок обозначался только цифрой, и привязать его к местности казалось невозможным, тем более что никакой почты поблизости не значилось. Очевидно, не судьба. Она, судьба, сама поставила за меня точку. Правда, иногда подбрасывала намеки. Просматривая в богатейшей музейной библиотеке дореволюционные журналы, я наткнулась на «Записки» Эразма Стогова в «Русской старине». Господи, да это же дедушка Анна Ахматовой с материнской стороны, с той самой, где была «бабушка-татарка», воспетая ею в стихах! Прочла, уже зная, что стихи – это не документальная биография поэта. Убедилась, порадовалась богатству музейной библиотеки и испытала еще нечто, о чем Тютчев сказал: «Так души смотрят с высоты / На ими брошенное тело». Но прошел

год-другой (пожалуй, даже больше), и в музее появился Роман Алексеевич Шувалов с вопросом, известны ли мне мемуары Стогова. Попутно рассказал, что смотрел те же материалы по большефонтанским дачам, что и я, но в отличие от меня, подошел к решению проблемы поисков дачи по-инженерному, то есть четко. Единица измерения участков, обозначенных на плане, – сажени, современные измерения используют, естественно, метры, на чертеже можно измерить в сантиметрах. Шувалов перевел сажени в метры, метры в сантиметры, наложил старый план на новые участки (от старых практически не осталось следов, кроме очень крупных дач). Так на нынешнем Хрустальном переулке обозначились контуры участков 1889 года. В конце концов нашлась и почта, виденная Анной Андреевной: в 1889 году, который меня так интересовал, здесь почтового отделения не было. Не было его и после 1909 года, когда почту перевели на 16 станцию. Та ахматовская подсказка не сработала, но оказалась дру-гая: стало возможным узнать, что юная Аня Горенко с матерью приезжали на это место не позже 1909 года. Но мемориал возник действительно на месте, вблизи которого стояла дача Саракини (нынешняя Хрустальная улица, около дома 2). Об этом знали соседи; в 1971 году, когда я разыскивала дачу Саракини и встречалась со старожилами, библиотекарь ОГНБ им. Горького Вера Павловна Нагорская вспоминала, что мама показывала ей в детстве домик, где родилась Анна Ахматова (дача Нагорских обозначена на плане).

Но почему семья оказалась в Одессе, почему жила на даче и какой еще адрес или адреса связаны с Ахматовой в Одессе? Их немало. Благодаря усилиям биографов Ахматовой и одесских краеведов известно многое из того, что во времена наших поисков в 70-е казалось навеки исчезнувшим во времени. Теперь общеизвестно, отец Анны Андреевны Андрей Антонович Горенко, прапорщик корпуса инженер-механиков флота, в 1870 году был зачислен посторонним слушателем в Новороссийский (Одесский) университет. В марте 1887 года уволен со службы (поэтому Ахматова называет его в мемуарных записках «отставной инженер-механик флота»). В этом же году в семье появился сын Андрей, которого крестили в сентябре 1888 в Воскресенской церкви на Среднем

Фонтане. Если Анну 17 декабря крестили не в церкви поблизости от дачи Саракини, а в городском соборе, – значит, семья жила в городе. Итак, к одесским адресам Ахматовой прибавляется еще один. Как полагал Р.А. Шувалов, это ныне не существующий дом Немировского на углу Кузнечной и Спиридоновской. В автобиографической заметке «Даты, дачи» Ахматова пишет о приезде в Люстдорф к тете, Аспазии Антоновне Горенко. Аспазия (Евгения) Антоновна, выпускница врачебных женских курсов в Петербурге, с 1864 года практиковала в Одессе как врач по внутренним и детским болезням, жила на Новорыбной, дом 15. Неподалеку, на Пироговской, 3, жила Мария Федоровна Вальцер, крестная Анны, а почти рядом, на улице Отрадной, жила человек, оставивший след в ранних ахматовских стихах, – Алексей Митрофанович Федоров. Тяжело удержаться от искушения проследить эту романтическую линию биографии Ахматовой, тем более что она тоже может быть связана с одесскими реалиями. Впрочем, когда пишешь на особую для тебя тему, самое сложное – это отделить «было» от «могло быть». Простейший способ избежать такого искушения – вовремя поставить точку.

